

В самом центре – кризисы в сфере труда и их использование правыми силами #2

CONNECT

Хорошая работа – плохая работа? Негативное отношение ко всем, кто не работает «нормально»

Осенью 2025 года в рамках проекта «Connect – Разнообразие через участие» в DGB-Bildungswerk Thüringen e.V. (Образовательный центр Объединения немецких профсоюзов в Тюрингии) прошла серия онлайн-мероприятий. Доклады серии были записаны и опубликованы на нескольких языках. Этот текст является кратким изложением доклада **Фабьен Десьё (Университет Инсбрука)**.

Какая работа считается в обществе «нормальной» и почему? Что это говорит о наших представлениях о продуктивности и справедливости? И способствует ли все это распространению дискриминации и правых взглядов?

Социум, ориентированный на продуктивность, как «норма»

Тот, кто работает больше, должен быть вознагражден за это и получать больше – эта идея считается «нормальной». Большинство людей в Германии считают, что наше общество устроено именно так и должно быть именно таким. Однако, исходя из своего личного опыта, многие констатируют, что их усилия и достижения не получают должного признания. Как это соотносится и откуда берется железная вера в принцип результативности?

Общество достижений (также «меритократия») восходит к буржуазной революции XIX века и установлению равных прав и индивидуальных свобод. Оно заменило аристократию и изначально представляло собой определенное достижение: «хорошая жизнь» больше не была уделом исключительно знати, а теоретически стала возможной и благодаря социальному продвижению. В этом заключается обещание принципа результативности. Принцип гражданского равенства действует и по сей день, но в реальности он противоречит капитализму как общественному строю, основанному на неравенстве. Таким образом, принцип результативности является иллюзией: он не распространяется, например, на собственность, поскольку богатство может быть унаследовано и не обязательно зарабатывается индивидуально. Но и вознаграждение за индивидуальные заслуги не распространяется на всех. Многие усилия не признаются обществом как «настоящая работа». Это касается прежде всего видов деятельности, которые традиционно считаются «женскими», таких как ведение домашнего хозяйства или уход (например, за детьми и пожилыми людьми). Однако эти представления и оценки могут меняться и являются предметом споров в обществе. Примером такого изменения имиджа является сегодня высокоуважаемая и часто хорошо оплачиваемая сфера информационных технологий. Раньше разработкой нового программного обеспечения занимались в основном женщины, которые зарабатывали

сравнительно мало денег. Только с ростом значимости отрасли увеличилась доля мужчин-сотрудников и, как следствие, престиж и заработная плата. Этот пример показывает, что производительность не является объективной, а представляет собой социальную оценку, которая зависит от соотношения сил и социальных структур.

«Нормальная» работа – что это было раньше, что это сейчас?

То, что и сегодня называется «нормальными трудовыми отношениями», сформировалось в десятилетия после Второй мировой войны, в так называемый период «фордизма».

Социальный рост происходил, с одной стороны, коллективно за счет регулярного увеличения реальной заработной платы, которое обеспечивалось сильными профсоюзами. С другой стороны, нормой было повышение по службе в среднесрочной перспективе. Эта базовая модель была подкреплена «заботливым государством всеобщего благосостояния», которое

фордизма: названный в честь основателя автомобильного концерна Генри Форда). В фордизме господствовали четкие социальные структуры: в гетеросексуальной малой семье мужчина был единственным кормильцем и, как правило, работал 40 часов в неделю в качестве бессрочного сотрудника на промышленном предприятии.

гарантировало стабильную социальную защиту в случае безработицы. Соответственно, в фордизме ведущую роль играли местные мужчины из рабочего и среднего классов. При этом упускался из виду или недооценивался прежде всего неоплачиваемый труд домохозяйек, которых система заставляла выполнять эту роль. Но и труд мигрантов-«гастарбайтеров» меньше ценился обществом, был менее защищен экономически, и у них было меньше возможностей для карьерного роста.

Однако не позднее 90-х годов прежнее сочетание «нормальных трудовых отношений», малой семьи и государства всеобщего благосостояния начало разрушаться.

«Нормальные трудовые отношения» по-прежнему существовали, но наряду с ними появилось много других форм оплачиваемого труда (в том числе для группы, которая ранее была обеспечена): больше неполной занятости, больше временных рабочих мест, несколько рабочих мест одновременно или новые модели, такие как временная работа. В результате работа и доходы стали менее стабильными и более гибкими. Изменилось и социальное государство. Пособия стали в большей степени привязаны к оплачиваемой работе и сопровождались дополнительными обязанностями. Политики и СМИ предупреждали, что слишком щедрая система социального обеспечения превратится в «социальный гамак» для всех, кто ничего не хочет делать и вместо этого предпочитает отдыхать. В результате принцип результативности все больше превращался в требование к людям быть постоянно доступными и активными. В то же время государственные расходы должны были приносить большую экономическую выгоду. Социальная политика приобрела «инвестиционный характер». Примером этого является расширение системы дошкольного воспитания детей, которое в первую очередь служило для привлечения большего числа женщин на рынок труда.

Повышенные требования к производительности, меньшая безопасность

История успеха предполагаемых «лидеров» прошлого – в основном мужчин, занимающих надежные полные рабочие места – не продолжилась. Реальные заработные платы застыли на одном уровне, семейного дохода стало недостаточно, а обязанности в семье и на работе изменились. Поэтому некоторые говорят об «обществе упадка». Но эта картина верна лишь отчасти. Ведь некоторые группы, которые раньше были в невыгодном положении, смогли добиться ограниченного продвижения по карьерной лестнице, например, женщины. Хотя многие работают в нестабильных условиях, сегодня существуют возможности для карьерного роста и более свободных жизненных планов, которых раньше не было.

Несмотря на все эти изменения, принцип результативности остается в силе. Однако он приобретает новую форму. Результативность все чаще определяется измеримыми результатами и эффективностью. Кроме того, многие регулируемые государством сферы были приватизированы, например, здравоохранение. В результате конкуренция распространяется на все большее число сфер жизни. В этой идеальной модели люди постоянно оптимизируют себя, чтобы повысить свою полезность, и не принимают во внимание обязанности по уходу. Однако в реальности это приводит к обесцениванию многих видов деятельности, которые нелегко измерить, например, уход, воспитание детей и другие виды заботы. В то же время государство уходит из таких сфер, как уход за пожилыми людьми. Тем самым проблемы индивидуализируются – ответственность ложится на плечи отдельных людей.

Это особенно затрагивает женщин. Они чаще работают неполный рабочий день или в других нестабильных формах занятости, поскольку им чаще, чем мужчинам, приходится выполнять как оплачиваемую, так и неоплачиваемую работу.

В целом, за последние 30 лет требования к производительности выросли, а уровень социальной защиты снизился. Границы между «нормальной работой», обещающей безопасность, и нестабильной работой на предполагаемой окраине общества сместились, и многие люди ощущают эту неуверенность.

Нарушенные права на справедливость?

Чтобы понять, что описанные изменения означают для людей, полезно взглянуть на их субъективные права на социальную справедливость. Такие права всегда относятся к соотношению между собственной жизненной ситуацией и социальной реальностью. Таким образом, люди оценивают справедливость по тому, как они сами относятся к своему окружению и что считают уместным.

В основном эти требования по-прежнему в значительной степени основаны на принципе результативности: собственная работоспособность и фактически проделанная работа должны быть признаны и вознаграждены. В этом мало что изменилось. Однако исследования показывают, что требования меняются в ходе социальных изменений. После финансового кризиса 2008 года и строгой политики экономии в Греции, которая привела к обнищанию прежде всего низших слоев населения, многие люди в Германии и Австрии считают, что их прежние требования были «слишком высокими» и что на самом деле у них все должно быть хорошо. Теперь они чаще сравнивают свое положение с более низким и корректируют свои ожидания в соответствии с этим, даже если их фундаментальная вера в принцип результативности по-прежнему содержит обещание продвижения по службе. Результатом является чувство напряженности: многим становится труднее выразить фрустрацию по поводу своего личного экономического застоя или даже регресса. Тем не менее, они испытывают ее, поскольку реальные заработные платы все реже растут, а социальная инфраструктура во многих районах ухудшается.

Это усугубляется общей экономизацией жизни. Все больше сфер жизни руководствуются рыночной логикой, а не социальными принципами. Например, в здравоохранении считается нормальным, что работники «должны работать больше», чтобы клиники не несли убытки. В неолиберальной логике не обсуждается вопрос о том, следует ли вообще приватизировать такие сферы государственного и социального обеспечения, как здравоохранение и уход, и ориентировать их на экономические принципы. Эта «нормальность» действует как закон природы, который, как предполагается, не подлежит сомнению. В то же время научно доказано, что растет идентификация с рынком и его логикой вплоть до уровня работников. Многие, например, гордятся экономическим статусом Германии как «мирового чемпиона по экспорту». Соответственно, несмотря на ущемленные права, наблюдается своего рода добровольное подчинение новым принципам общества.

Политические последствия

Трудно выражаемая уязвимость и беспомощность многих людей перед столь сильно экономически обусловленной «нормальностью» часто приводят к расплывчатой ярости. На самом деле она должна быть направлена против описанных неолиберальных структур, которые, однако, из-за своей кажущейся нормальности кажутся всемогущими и неизменными. Но гнев нуждается в цели: в результате возникает больше открытости для правых интерпретаций, которые предлагают простые образы врагов и указывают на кажущихся виновных. Особенно часто это затрагивает мигрантов и другие группы с низким уровнем власти в обществе, но также и традиционные политические партии. В то же время у многих (в том числе молодых) людей из-за экономической и мировой политической неопределенности растет желание иметь четкие, традиционные структуры, например, вернуться к консерватизму в отношении гендерных ролей.

В обществе растет страх перед ухудшением положения, даже если он не основан на личном опыте. Ведь даже без реальных материальных потерь многие люди испытывают ущемление своих прав на справедливость, которое накапливалось с течением времени. У них создается ощущение, что им приходится бежать все быстрее и быстрее, чтобы не скатиться вниз по «движущемуся в обратном направлении эскалатору». Эта фрустрация все чаще выражается в общей неудовлетворенности «системой» или «политикой». В то же время многие продолжают действовать в рамках логики этой системы – например, когда не ставится под сомнение структура ограниченного социального государства, а просто требуется исключить из него определенные группы.

Эти тенденции способствуют тому, что правые и фашистские политики приобретают все больше разочарованных сторонников. Чтобы противодействовать этому, мы должны изменить наше понимание справедливости и производительности. Ведь нестабильная работа и высокие требования к производительности не являются законами природы, даже если сегодня они считаются «нормальными».

Хотите узнать больше о том, как правые интерпретации влияют на дискуссии на предприятиях и в обществе?

Все остальные темы серии мероприятий и публикаций можно найти на нашем сайте:

www.dgb-bwt.de/wissen-fuer-alle

Все тексты доступны на **следующих языках**: арабском, дари, немецком, английском, французском, польском, русском, испанском, вьетнамском.

In Trägerschaft
des:

Im Rahmen des
Bundesprogramms:

Gefördert durch
das:

Administriert durch
das:

